
РОДОВЫЕ
МЕТКИ
ОЛЬГА ЕФИМОВА
18+

Ольга Ефимова

Родовые метки

«Автор»
2026

Ефимова О.

Родовые метки / О. Ефимова — «Автор», 2026

Полина Крайнова, эксперт-почерковед из Москвы, возвращается в родной городок Северный после скандала, который лишил её работы и репутации. Она собирается продать дом умершей матери и уехать навсегда. Но в старом сарае находит жестяную коробку с дневником брата, пропавшего без вести двадцать лет назад. Дима не сбежал. Его убили. И мать Полины знала правду, но молчала до самой смерти.Первая же запись в дневнике приводит Полину к старым родовым знакам — символам, которыми когда-то метили землю, дома и могилы. Такие же знаки кто-то оставляет на месте нового убийства. Полина начинает собственное расследование, не подозревая, что распутывает клубок, в который вплетены несколько влиятельных семей города. У каждого — свой мотив. У каждого — своя тайна. И кто-то очень не хочет, чтобы правда вышла наружу.«Родовые метки» — это психологический детектив о цене молчания, о памяти, которая сильнее смерти, и о женщине, которая возвращается в прошлое, чтобы наконец его услышать.

© Ефимова О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Автобус на Северный 6
Глава 2. Тело у элеватора 12
Глава 3. Старый склеп 18
Глава 4. Имена 22
Глава 5. Бумаги 27
Глава 6. Ты следующая 32
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Ольга Ефимова
Родовые метки

Глава 1. Автобус на Северный

Автобус шёл медленно, как будто тоже не хотел приезжать.

Полина сидела у окна, прижавшись виском к холодному стеклу, и смотрела, как за окном тянется бесконечная, однообразная равнина: серое небо, серная стерня, редкие перелески, покосившиеся столбы с провисшими проводами. Где-то там, за этой плоской линией горизонта, осталась Москва — с её стеклянными фасадами, с её вечными пробками, с её запахом кофе и асфальта, с её редакциями, судами, экспертными заключениями. С её позором.

Полина отвернулась от окна и посмотрела в пустой салон.

Автобус был почти пуст: старик с сумкой на коленях, женщина с ребёнком, двое парней в наушниках, дремлющих на заднем сиденье. Все свои, местные, привычные. Полина когда-то знала этот маршрут наизусть — двадцать лет назад она ездила этим автобусом в областной центр, в университет, а потом обратно, на выходные, к матери. Тогда дорога казалась ей долгой и мучительной, и она считала минуты до поворота на Северный, до родного городка, где её ждали мать и брат.

Теперь она считала минуты до другого.

Северный — маленький городок, затерянный между двумя трассами, с элеватором на выезде, с пятиэтажками, построенными ещё при Союзе, с частным сектором, уходящим в низину, к речке. Город, где все друг друга знают, где новости распространяются быстрее, чем полиция успевает составить протокол, где старые семьи всё ещё решают, кому жить хорошо, а кому — как получится.

Полина не была здесь двадцать лет.

Двадцать лет — это много. Это целая жизнь. Она уехала в восемнадцать, поступила в университет, потом аспирантура, потом работа в Москве, потом — экспертные заключения, суды, статьи, конференции. Она выстроила себя заново, из ничего, из упрямства и из желания никогда не возвращаться в этот город. И вот — вернулась.

Мать умерла в феврале. Полина узнала об этом от соседки, тёти Вали, которая позвонила ей в Москву и сказала дрожащим голосом: «Поленька, мама твоя... того. Не стало её». Полина тогда сидела в кабинете, перед ней лежала стопка документов по очередному делу, и она не сразу поняла, о чём говорит тётя Валя. А когда поняла — не заплакала. Просто сидела и смотрела в окно, на московский двор, на детскую площадку, где дети катались с горки.

Она приехала на похороны. Три дня — и обратно, в Москву, в суд, где её ждали. Тогда она не стала заходить в дом, не стала разбирать вещи. Сказала тёте Вале: «Я потом». И уехала.

А потом случилось то, что случилось.

Дело касалось мошенничества с недвижимостью. Полина, эксперт-почерковед, подготовила заключение по подписям в документах — но в нём обнаружились противоречия. То ли она действительно допустила ошибку, то ли всё было верно, но отстоять свою позицию она не смогла.

Адвокат ответчика зацепился за первую нестыковку, потом нашёл ещё одну, а следом принялся изучать её прежние дела — и ситуация стремительно покатилась под откос. В газетах появилась броская заметка: «Эксперт-почерковед помогла мошенникам уйти от ответственности». Телевизионщики сняли сюжет, который только подлил масла в огонь. Коллеги постепенно отстранились, избегали разговоров, отводили взгляд. Уже через месяц Полина осталась без работы.

Полина не стала бороться. Она собрала вещи, закрыла квартиру и села на автобус.

Не потому, что хотела вернуться. А потому, что не знала, куда ещё ехать.

Автобус свернул с трассы, и Полина увидела знакомый поворот: бетонный указатель «Северный — 3 км», покосившийся от времени, с облупившейся краской. За указателем начи-

налась дорога, обсаженная тополями, — когда-то они были ровными и зелёными, а теперь стояли полуголые, с сухими ветками, и ветер гнал по обочинам обрывки пакетов и сухие листья.

Полина почувствовала, как сжимается горло. Она не хотела этого чувства — этого дурацкого, непрошенного волнения, которое поднималось откуда-то из живота и подступало к глазам. Она достала из сумки телефон, посмотрела на экран — ни одного сообщения. Москва молчала. Работа молчала. Жизнь, которую она выстроила за двадцать лет, молчала.

Автобус въехал в город.

Первое, что она увидела, — элеватор. Огромная бетонная громада на выезде, серая, с тёмными провалами окон, с ржавыми трубами, уходящими в небо. Элеватор стоял здесь столько, сколько Полина себя помнила. Он был виден из любой точки города — и ночью, когда над ним горел один-единственный фонарь, и днём, когда его тень накрывала половину улицы. В детстве Полина боялась элеватора. Брат говорил, что там живут крысы размером с собаку, и Полина верила.

Дима… Все эти километры она изо всех сил старалась не думать о нём, отгоняла воспоминания, как делала это последние двадцать лет. Но стоило ей бросить взгляд на старый элеватор — и прошлое нахлынуло волной: перед глазами тут же возникло его лицо. Худое, с резкими скулами, с той самой упрямой морщинкой между бровей. А глаза… в них вечно таилась лёгкая насмешка, будто Дима знал какой-то важный секрет, недоступный остальным.

Он был старше её на два года. Исчез, когда ей едва исполнилось четырнадцать. Официально — пропал без вести. В тот вечер ушёл с друзьями на кладбище и не вернулся. Город будто сошёл с ума от тревоги: милиция прочёсывала окрестности, люди выходили на поиски, по улицам ходили с фонарями и собаками. Но всё было тщетно. Спустя год дело закрыли.

А мать Димы не сдавалась. Она искала сына до последнего вздоха: писала письма в Москву, в прокуратуру, в редакции газет, ездила по соседним областям, обращалась даже к экстрасенсам. Полина тогда злилась, не понимала этого упрямства: «Зачем тратить жизнь на то, чего уже нет?» Сейчас, спустя годы, она видела всё иначе. Для матери потеря сына стала единственной реальностью, вокруг которой крутилась вся её жизнь.

Автобус плавно остановился на городской площади. Полина поднялась, подхватила небольшую сумку — в ней лежало лишь самое необходимое — и шагнула на улицу.

Город встретил её звенящей тишиной.

Было около восьми утра. Площадь казалась вымершей: лишь продавщица в ларьке неторопливо открывала окошко, да дворник без спешки сметал с асфальта сухие листья. Воздух был холодным, пропитанным влагой; в нём смешивались запахи дыма и мокрого бетона. Полина замерла на минуту, позволяя себе заново прочувствовать этот воздух, этот запах, этот город, который она столько лет пыталась вычеркнуть из памяти.

Затем она двинулась вниз по улице Ленина — прямиком к дому.

Дом стоял на краю частного сектора, там, где заканчивался асфальт и начиналась грунтовая дорога, уходящая вниз, к речке. Небольшой, деревянный, с резными наличниками на окнах — мать любила эти наличники, сама красила их каждую весну в голубой цвет. Когда-то дом казался Полине большим, просторным, полным жизни. Теперь он выглядел маленьким, старым и каким-то сгорбленным, как старик, который с трудом держится на ногах.

Калитка была заперта. Полина достала из сумки ключ — тётя Валя передала его через водителя автобуса, — и отперла замок. Ключ повернулся с трудом, со скрипом, как будто дом сопротивлялся.

Она вошла во двор.

Здесь ничего не изменилось. Та же поленница у стены, те же кусты смородины вдоль забора, та же старая яблоня в углу, с качелями, которые Дима смастерил для неё, когда ей было десять. Качели давно сгнили, верёвки порвались, и доска висела на одном креплении, поскрипывая на ветру.

Полина подошла к крыльцу, поднялась по ступенькам и открыла дверь.

В доме пахло пылью, старой мебелью и чем-то ещё — чем-то неуловимым, что она не могла назвать. Может быть, лекарствами. Может быть, одиночеством. Мать болела последние годы, тётя Валя говорила, что она почти не выходила из дома. Полина знала об этом — и всё равно не приезжала. Она звонила раз в месяц, коротко, сухо, спрашивала про здоровье — и клала трубку. Это было проще, чем приехать. Это было проще, чем смотреть в глаза матери и видеть в них тот же вопрос, который Полина гнала от себя двадцать лет: «Почему ты не ищешь брата? Почему ты живёшь так, как будто его никогда не было?»

Полина прошла в комнату.

Здесь всё было как при матери: диван с клетчатым пледом, телевизор на тумбочке, сервант с посудой, которую никто никогда не доставал. На стене — фотографии в рамках: Полина в школьной форме, Дима с удочкой на речке, мать молодая, счастливая, с двумя детьми на коленях. Полина остановилась перед этой фотографией и долго смотрела на неё.

Потом отвернулась и начала разбирать вещи.

Дима… Все эти километры она изо всех сил старалась не думать о нём, отгоняла воспоминания, как делала это последние двадцать лет. Но стоило ей бросить взгляд на старый элеватор — и прошлое нахлынуло волной: перед глазами тут же возникло его лицо. Худое, с резкими скулами, с той самой упрямой морщинкой между бровей. А глаза… в них вечно таилась лёгкая насмешка, будто Дима знал какой-то важный секрет, недоступный остальным.

Он был старше её на два года. Исчез, когда ей едва исполнилось четырнадцать. Официально — пропал без вести. В тот вечер ушёл с друзьями на кладбище и не вернулся. Город будто сошёл с ума от тревоги: милиция прочёсывала окрестности, люди выходили на поиски, по улицам ходили с фонарями и собаками. Но всё было тщетно. Спустя год дело закрыли.

А мать Димы не сдавалась. Она искала сына до последнего вздоха: писала письма в Москву, в прокуратуру, в редакции газет, ездила по соседним областям, обращалась даже к экстрасенсам. Полина тогда злилась, не понимала этого упрямства: «Зачем тратить жизнь на то, чего уже нет?» Сейчас, спустя годы, она видела всё иначе. Для матери потеря сына стала единственной реальностью, вокруг которой крутилась вся её жизнь.

Автобус плавно остановился на городской площади. Полина поднялась, подхватила небольшую сумку — в ней лежало лишь самое необходимое — и шагнула на улицу.

Город встретил её звенящей тишиной.

Было около восьми утра. Площадь казалась вымершей: лишь продавщица в ларьке неторопливо открывала окошко, да дворник без спешки сметал с асфальта сухие листья. Воздух был холодным, пропитанным влагой; в нём смешивались запахи дыма и мокрого бетона. Полина замерла на минуту, позволяя себе заново прочувствовать этот воздух, этот запах, этот город, который она столько лет пыталась вычеркнуть из памяти.

Затем она двинулась вниз по улице Ленина — прямиком к дому.

«Диму убили. Мать всё знала». Эта мысль колотилась в голове Полины, не давая ни секунды покоя. Двадцать лет. Целых двадцать лет она жила с надеждой — пусть слабой, почти призрачной, — что брат просто сбежал, что где-то там, в другом городе, у него другая жизнь, а может, он и вовсе жив. А мать всё это время хранила страшную правду. И молчала.

Почему? Зачем?

Полина снова взяла письмо, вчиталась в строчки: «Я спрятала всё, что знаю, в тайнике». Но где он? Мать не оставила ни намёка. Наверное, боялась, что письмо попадёт в чужие руки. А может, верила, что дочь сама догадается.

Полина встала и принялась искать. Сначала в доме: перевернула стол, выдвинула все ящики до последнего, перебрала каждую папку, каждый листок. Было пусто. Потом обошла все комнаты — заглядывала в шкафы, под кровати, за батареи. Ничего не нашла. Вышла во двор, осмотрела сарай, проверила поленницу. Безрезультатно.

К вечеру силы окончательно иссякли. Полина опустилась на крыльцо и уставилась на темнеющее небо. «Тайник… Где может быть тайник?»

И вдруг память подбросила забытую картинку из детства. Они с Димой играли в «секретики»: выкапывали в земле маленькую ямку, прятали туда что-нибудь ценное — фантик, стёклышко, красивый камешек, — накрывали стеклом и закапывали, а сверху рисовали свой знак, чтобы потом найти. У Димы был круг с крестом внутри, у неё — треугольник с точкой.

Мать тогда улыбнулась и сказала: «Так всё спрячете, что сами не найдёте». А Дима важно ответил: «Ничего, мам, у нас есть карта».

Карта. У Димы была карта тайников. Он рисовал её на листе и прятал… но где?

Полина резко поднялась и направилась к сараю. Внутри было темно, пахло сыростью и старой древесиной. Она сняла с гвоздя у двери старый фонарик, щёлкнула выключателем — луч света выхватил из темноты полки с банками, инструменты, старый велосипед Димы с ржавой цепью и спущенными шинами. Полина помнила, как он ездил на нём в школу, а позже отдал ей. Она каталась на нём до девятого класса.

Она подошла к велосипеду, присела рядом. Под сиденьем была прикручена маленькая металлическая коробочка — из-под леденцов. Полина открутила её, открыла.

Внутри лежал сложенный вчетверо лист. Она развернула его — это была та самая карта, нарисованная карандашом: двор, сад, сарай, дом и несколько крестиков — отметок тайников. Полина насчитала семь.

Вот её знак — треугольник с точкой — у яблони. А вот Димин — круг с крестом — в сарае, за полкой с банками.

Полина посветила фонариком за полку. Среди банок с засохшими огурцами в стене едва угадывалась маленькая дверца — почти слившаяся с деревом, будто всегда была частью стены.

Отодвинув банки, Полина потянула за дверцу. Та поддалась не сразу, скрипнула, словно не привыкла к движению. За ней оказалась узкая ниша, а в ней — жестяная коробка из-под печенья.

Дрожащими руками Полина достала коробку и открыла. Внутри лежали старые, пожелтевшие бумаги, сложенные в несколько раз. Она развернула первую — это был лист из школьной тетради, исписанный почерком Димы. Его почерк она узнала бы где угодно: неровные буквы, сильно наклонённые влево, будто он писал в спешке, на бегу.

«12 мая. Сегодня мы были на кладбище. Артём сказал, что в старом склепе можно найти что-то ценное. Мы пошли вчетвером: я, Артём, Костя и Лёха. В склепе было темно и пахло сыростью. Мы нашли ящик с бумагами. Артём сказал, что это старые документы, которые можно продать. Я возразил — сказал, что это воровство. Артём ответил, что я ничего не понимаю. Мы поссорились. Я ушёл. А потом…»

Запись обрывалась на полуслове.

На обороте листа Полина увидела другой почерк — крупный, с наклоном вправо, точно такой же, как в мамином письме.

«Он не вернулся. Я знаю, что они сделали. Я найду доказательства. Я не остановлюсь».

Полина опустилась прямо на пол сарая, всё ещё сжимая в руках лист. Внутри будто рушилась стена — та самая, которую она возводила двадцать лет: стена между ней и прошлым, между ней и этим городом, между ней и правдой о смерти брата. Кирпич за кирпичом она рассыпалась, обнажая то, что Полина столько лет старалась не видеть.

Дима был на кладбище. Он нашёл в склепе какие-то бумаги. Поссорился с Артёмом. И не вернулся.

А мать знала. Она искала доказательства. И не сдавалась до самого конца.

Полина посмотрела на остальные бумаги в коробке. Их было много — целая стопка. Письма, записи, копии документов. Мать собирала их годами. Она вела своё расследование — тихо, одна, без полиции, без помощи.

Полина взяла следующую бумагу. Это было письмо — официальное, на бланке прокуратуры. «По факту исчезновения гражданина Крайнова Д.А. уголовное дело приостановлено за отсутствием состава преступления...»

А под письмом — другая бумага, написанная от руки. Почерк матери, размашистый, злой:

«Они не искали. Они знали, что искать нечего. Они знали, что он мёртв. И они молчали. Но я найду правду. Я найду её, даже если это убьёт меня».

Полина отложила бумаги и закрыла глаза.

Она сидела так долго — минуту, пять, десять. В сарае было тихо, только ветер шуршал по крыше да где-то далеко лаяла собака.

Потом она открыла глаза, собрала все бумаги обратно в коробку, взяла её в руки и вышла из сарая.

На улице уже стемнело. Небо было серое, тяжёлое, без звёзд. Полина постояла на крыльце, глядя на двор, на сломанные качели, на яблоню, которая стояла в темноте, как часовой.

Она не знала, что делать дальше. Она не знала, кому верить. Она не знала, с чего начать.

Но она знала одно: она не уедет. Не сейчас. Не пока не найдёт ответы.

Полина вернулась в дом, закрыла дверь на задвижку, прошла в комнату и села за стол. Она достала из сумки блокнот и ручку — привычные инструменты эксперта — и открыла коробку.

Первый лист. Запись Димы от 12 мая. Она перечитала её. Потом взяла чистый лист и начала записывать:

«1. Дима был на кладбище 12 мая. С ним были Артём, Костя и Лёха. 2. Они нашли в склепе ящик с документами. 3. Дима поссорился с Артёмом. 4. Дима не вернулся. 5. Мать знала, что его убили. 6. Мать искала доказательства».

Она отложила ручку и посмотрела на список.

Артём. Костя. Лёха. Она знала эти имена. Артём Шульгин — сын директора местного рынка. Тот самый Артём, который в школьные годы вечно затевал какие-нибудь авантюры, умел всех уговорить и всегда был заводилой. Костя Гринько — сын Тамары Семёновны, что работала в музее. А Лёха Сомов — тихий, незаметный мальчик, который всегда держался в стороне, словно старался слиться с тенью.

Полина отчётливо помнила их всех. Они были старше неё, входили в компанию Димы. После того как брат пропал, она встречала их ещё несколько раз — на поминках по матери Димы. Они тогда стояли в стороне, молчали, не поднимая глаз, а потом разъехались: Артём уехал в областной центр, Костя — куда-то на север, а Лёха ушёл в армию.

Отложив блокнот, Полина посмотрела в окно. За стеклом стояла непроглядная темнота — хоть глаз выколи. Лишь вдалеке тускло светился одинокий фонарь — тот самый, у элеватора.

Она не представляла, что ждёт её завтра. Не знала, с кем столкнётся, что ещё отыщет, кому можно будет верить. Но одно она понимала чётко: она не остановится. Ни перед чем. Так же, как не останавливалась мать. Так же, как, наверное, не сдался бы и Дима.

Полина аккуратно закрыла коробку, убрала её в сумку, потом расстелила себе место на старом диване — на том самом, где спала в детстве, — и легла, не снимая одежды.

Долгое время она лежала без сна, уставившись в потолок. Прислушивалась к звукам дома: к тихому скрипу старых досок, к ветру, что гулял по крыше, к далёкому лаю собаки где-то на другом конце города. Только под утро, когда первые серые лучи начали пробираться сквозь занавески, её наконец сморил сон.

Ей приснился Дима. Живой. Он стоял на берегу реки с удочкой в руках, улыбался и что-то говорил. Полина не слышала слов — только видела, как шевелятся его губы, как ярко блестят глаза, как он машет ей рукой. То ли прощается, то ли зовёт за собой.

Проснулась Полина от резкого стука в дверь. Она распахнула глаза, приподнялась на диване, на секунду растерявшись и не сразу вспомнив, где находится. За окном уже рассвело — утро выдалось серым и хмурым.

Стук раздался снова — громкий, настойчивый, не терпящий отлагательств. Полина встала, подошла к двери, заглянула в глазок.

На крыльце стоял мужчина в полицейской форме — высокий, широкоплечий, с усталым лицом и коротко подстриженными волосами. Чуть позади него виднелась ещё одна фигура — пониже ростом, в обычной гражданской одежде.

Полина открыла дверь.

— Крайнова Полина Андреевна? — спросил мужчина в форме.

— Да, — ответила она.

— Капитан Ковалёв, Глеб Сергеевич, — представился он. — Работаю в местном отделе. Мне сказали, вы эксперт-почерковед.

Полина молча кивнула, не отводя взгляда.

— Мне нужна ваша помощь, — продолжил Ковалёв. — На выезде обнаружен труп. Рядом с ним — какие-то странные знаки. Мы не можем понять, что они означают. А вы, говорят, разбираетесь в знаках.

Полина перевела взгляд с капитана на его спутника, потом снова на Ковалёва.

— Где это произошло? — спросила она.

— У элеватора, — сказал Ковалёв. — На пустыре.

Полина на секунду закрыла глаза. Элеватор. Тот самый элеватор, которого она боялась в детстве. Тот самый, где, по словам Димы, жили крысы размером с собаку.

— Я возьму куртку, — сказала она.

И, повернувшись, пошла в дом.

Она ещё не знала, что этот вызов станет началом конца. Не знала, что знаки у элеватора приведут её к тайне, которую двадцать лет хранил этот город. Не знала, что ей придётся столкнуться с теми, кого она знала в детстве, и с теми, кого боялась всю жизнь.

Она просто надела куртку, взяла сумку и вышла на крыльцо, где её ждал капитан Ковалёв.

Утро было серое, холодное. Где-то вдалеке, над элеватором, поднимался дым — тонкая струйка, уходящая в низкое небо.

Полина захлопнула дверь и пошла за Ковалёвым.

Глава 2. Тело у элеватора

Машина Ковалёва была старой, потрёпанной «Нивой» с продавленными сиденьями и запахом бензина и табака. Полина села на переднее сиденье, поставила сумку на колени и молча уставилась в окно, пока Ковалёв выруливал со двора на грунтовую дорогу.

Город проплывал мимо — знакомый до последней трещины в асфальте, до последнего забора, до последней собаки, которая лаяла из-за калитки. Полина смотрела на него и чувствовала себя чужой. Двадцать лет она не была здесь, и за это время город как будто съёжился, стал меньше, теснее, серее. Или это она изменилась настолько, что теперь видела его другим?

— Вы давно здесь не были? — спросил Ковалёв, не отрывая глаз от дороги.

— Двадцать лет.

Он присвистнул.

— И как оно? Вернулись — и что?

— Ничего, — сказала Полина. — Дом продать и уехать.

Ковалёв хмыкнул, но ничего не сказал. Они проехали мимо рынка — того самого, где когда-то работал отец Артёма Шульгина. Рынок был закрыт, ворота заперты, только несколько машин стояли у входа. Да курил сторож в будке.

— Что там случилось? — спросила Полина. — На пустыре.

— Нашли утром, — сказал Ковалёв. — Мужик какой-то, местный. Пьяница, если честно. Валерий Пугачёв, пятьдесят два года. Жил на окраине, нигде не работал, пил. Утром его нашли у элеватора. Кто-то вызвал полицию — анонимно, с телефона-автомата. Ну, мы приехали. И увидели… — Он замолчал, подбирая слово. — Знаки.

— Какие знаки?

— Не знаю, как объяснить. Как будто кто-то нацарапал на земле что-то. Не буквы, не рисунки. Символы какие-то. Я таких раньше не видел.

Полина почувствовала, как внутри неё что-то напряглось. Символы. На земле. У элеватора.

— Вы сказали, что я эксперт по знакам, — сказала она. — Но я эксперт по почерку. Это разные вещи.

— Мне сказали, что вы разбираетесь в старых документах, в архивах, во всяких там метках, — сказал Ковалёв. — У нас в городе нет криминалистов. Область далеко, а ждать, пока они приедут, — сам понимаете. Пока они доедут, всё затопчут. Вот я и подумал: может, вы посмотрите, пока свежо.

Полина кивнула. Логика была простая, полицейская: использовать того, кто под рукой. Она сама так работала в Москве — хваталась за любую зацепку, пока не остыло.

Машина свернула на объездную дорогу, и впереди показался элеватор.

Он возвышался над городом, как серая крепость: бетонные стены, тёмные окна, ржавые трубы, уходящие в небо. Вокруг — пустырь, заросший бурьяном, с кучами мусора, с остатками бетонных плит, с колеями от машин, которые когда-то здесь ездили. Сейчас пустырь был оцеплен: две полицейские машины, жёлтая лента, несколько человек в форме.

Ковалёв остановил машину, вышел, открыл Полине дверь. Она вышла следом, огляделась.

Утро было холодное, ветреное. Небо затянуло серым, и элеватор казался ещё более мрачным, чем в её воспоминаниях. Полина поёжилась, поправила воротник куртки.

— Там, — сказал Ковалёв, кивнув в сторону бетонной плиты, у которой стояли люди.

Полина пошла за ним.

Тело лежало на земле, у самой стены элеватора. Мужчина, лет пятидесяти, в грязной куртке, в старых ботинках. Лицо серое, глаза открыты, рот приоткрыт. Следов насилия видно

не было — ни крови, ни ран, ни синяков. Но что-то в его позе было неправильным: он лежал на спине, раскинув руки, как будто упал навзничь. Или как будто его положили.

Полина присела рядом, стараясь не касаться тела.

— Заключение эксперта? — спросила она.

— Пока нет, — сказал Ковалёв. — Но, судя по всему, сердце. Или отравление. Ничего не могу сказать точно. Ждём область.

— А знаки?

— Вот, — Ковалёв показал рукой. — Смотрите.

Полина посмотрела.

Вокруг тела, на бетонной плите, на земле, на кусках щебня, были нацарапаны символы. Не буквы, не цифры — что-то другое. Полина наклонилась ближе, достала из сумки телефон, включила фонарик.

Символы были глубокие, процарапанные чем-то острым — может быть, камнем, может быть, ножом. Они шли по кругу вокруг тела, как будто кто-то обошёл его и оставил метки. Полина насчитала шесть.

Первый — круг с крестом внутри. Второй — треугольник с точкой. Третий — две параллельные линии, перечёркнутые третьей. Четвёртый — зигзаг. Пятый — что-то похожее на букву «Ж», но с лишней перекладиной. Шестой — маленький круг с точкой в центре.

Полина смотрела на них, и сердце у неё стучало всё быстрее.

Она узнала первый. И второй. И шестой.

Круг с крестом — знак Димы. Треугольник с точкой — её собственный. Круг с точкой — знак, который они придумали вместе, когда им было десять и двенадцать, — знак «секретика», тайника, который они прятали от всех.

— Вы что-то узнали? — спросил Ковалёв, глядя на её лицо.

Полина выпрямилась. Медленно, стараясь не выдавать волнения.

— Пока нет, — сказала она. — Мне нужно подумать. Сфотографировать можно?

— Фотографируйте. Только не трогайте ничего.

Полина достала телефон, сделала несколько снимков — общий план, крупные планы каждого символа, потом ещё раз, с разных ракурсов. Потом присела, посмотрела на знаки вблизи. Они были процарапаны неровно, с разным нажимом, как будто человек торопился. Или как будто у него не было подходящего инструмента.

— Кто нашёл тело? — спросила она.

— Женщина какая-то, — сказал Ковалёв. — Шла мимо, увидела. Она здесь недалеко живёт, в частном секторе. Мы её опросили — ничего не видела, ничего не слышала.

— Анонимный звонок?

— Да. С автомата на площади. Мы проверили — отпечатков нет.

Полина кивнула. Она всё ещё смотрела на знаки. Мысли путались: одно дело — простое совпадение, другое — знаки, которые она не видела двадцать лет. Кто мог их знать? Кто мог их помнить?

— Ковалёв, — сказала она. — Мне нужно в музей.

— В краеведческий?

— Да. У вас есть краеведческий музей?

— Есть, — сказал он. — Тамара Семёновна там директором. А зачем вам музей?

Полина выпрямилась и посмотрела на него.

— Потому что я видела похожие знаки, — сказала она. — В старых документах. Родовые метки. Ими когда-то метили землю, дома, могилы. Мне нужно посмотреть архив.

Ковалёв смотрел на неё секунду, две. Потом кивнул.

— Хорошо. Я вас отвезу. Только сначала — вы мне скажете, что вы на самом деле думаете.

Полина колебалась. Она не знала этого человека. Не знала, можно ли ему доверять. Но выбора не было: либо она работает с ним, либо она одна.

— Я думаю, что эти знаки — не случайность, — сказала она. — Они что-то значат. И тот, кто их оставил, знает то, чего не знаем мы.

Ковалёв кивнул.

— Поехали.

Музей стоял в центре города, в старом двухэтажном здании с колоннами и облупившейся штукатуркой. Когда-то здесь была городская управа, потом — райком, потом — библиотека, а теперь — краеведческий музей. Полина помнила его с детства: они с классом ходили сюда на экскурсию, и она тогда долго стояла перед витриной с древними черепками, пытаясь представить, кто жил здесь тысячу лет назад.

Ковалёв припарковался у входа, и они вошли внутрь.

В музее было тихо и пахло пылью. В вестибюле сидела женщина лет шестидесяти — полная, с короткой стрижкой, в очках на цепочке. Она подняла голову от бумаг и посмотрела на них.

— Глеб Сергеевич? — сказала она. — Что-то случилось?

— Тамара Семёновна, — сказал Ковалёв, — это Полина Крайнова. Она эксперт. Помогает нам с одним делом. Ей нужен ваш архив.

Тамара Семёновна посмотрела на Полину. В её взгляде что-то мелькнуло — быстрая тень, которая сразу исчезла.

— Крайнова? — переспросила она. — Полина? Дочь Анны?

— Да, — сказала Полина. — Вы знали мою мать?

— Знала, — сказала Тамара Семёновна. — Мы вместе в школе работали. Она преподавала русский, я — историю. Потом она ушла… — Она замолчала. — Соболезную. Она была хорошим человеком.

Полина кивнула. Ей не хотелось сейчас говорить о матери.

Полина попросила доступ к архиву — ей нужны были старые документы, карты, всё, что связано с родовыми знаками и метками на земле.

Тамара Семёновна с минуту молча смотрела на неё, потом медленно встала и предложила пройти. Она сказала, что у них кое-что есть, но не уверена, что это поможет.

Она провела их на второй этаж, по узкому коридору в комнату, заставленную шкафами и стеллажами. Там было тише, чем в вестибюле, и пахло старыми книгами и пылью.

Тамара Семёновна подошла к одному из шкафов и открыла дверцу. Внутри хранились документы по истории города начиная с восемнадцатого века: карты, планы, переписка. Она спросила, что именно их интересует.

— Знаки, — ответила Полина. — Символы, которыми метили землю, дома, могилы.

Тамара Семёновна помолчала и уточнила:

— Родовые метки?

— Да.

— Это старый обычай, — пояснила она. — Лет двести назад у каждой семьи были свои знаки. Ими клеймили скот, орудия, дома, а позже — землю и могилы. Считалось, что знак защищает от злых духов или, наоборот, указывает на спрятанное.

— Спрятанное? — переспросила Полина.

— Клады, — сказала Тамара Семёновна. — Люди прятали ценности и оставляли метки, чтобы потом найти. Но всё это легенды. В реальности это просто старые символы, которые уже никто не помнит.

— Я видела их сегодня, — сказала Полина. — На месте убийства.

Тамара Семёновна замерла, папка в её руке дрогнула.

— Убийства? — переспросила она.

— Да, — вмешался Ковалёв. — У элеватора. Утром.

Тамара Семёновна медленно опустила папку на стол.

— Кто? — спросила она.

— Пугачёв, — ответил Ковалёв. — Валерий.

Тамара Семёновна отвернулась. Полина видела, как напряглись её плечи.

— Я его знала, — тихо сказала она. — Он когда-то работал у нас в музее сторожем. Потом запил и ушёл.

— Вы знаете, что могло связывать его с этими знаками? — спросила Полина.

Тамара Семёновна обернулась. Лицо её было бледным, но спокойным.

— Не знаю, — сказала она. — Но знаю одно: эти знаки — не просто легенда. В нашем городе они значили больше, чем где-либо. Здесь жили старые семьи, которые верили в них. И некоторые из этих семей до сих пор здесь.

По спине Полины пробежал холодок.

— Какие семьи? — спросила она.

Тамара Семёновна посмотрела на неё.

— Шульгины, — начала она. — Гринько. Сомовы. Крайновы.

Полина замерла.

— Крайновы? — переспросила она.

— Да, — подтвердила Тамара Семёновна. — Ваша семья тоже была среди них. Ваш отец, Андрей Крайнов, принадлежал к старому роду. Он знал эти знаки. И мать ваша знала. И вы, наверное, тоже — если помните.

Полина молчала. Она помнила всё: как они с Димой рисовали эти знаки на земле, как прятали «секретики», как мать уверяла, что это просто игра, детская забава. Теперь она понимала — это было нечто большее. То, что передавалось из поколения в поколение. То, что стоило жизни её брату.

— Мне нужно посмотреть архив, — сказала она. — Всё, что у вас есть.

Тамара Семёновна кивнула.

— Хорошо, — сказала она. — Но учтите: здесь много документов. И не все из них… — Она запнулась. — Не все из них стоит читать.

— Почему?

— Потому что некоторые вещи лучше не знать, — сказала Тамара Семёновна. — Поверьте мне. Я здесь сорок лет работаю. Я знаю, о чём говорю.

Полина посмотрела на неё. В глазах Тамары Семёновны была не только тревога. Было что-то ещё — что-то похожее на страх.

— Я всё равно посмотрю, — сказала Полина.

Тамара Семёновна вздохнула.

— Тогда начните с этой папки, — сказала она, положив на стол ту самую папку, которую держала в руках. — Здесь документы по истории семей. Карты. Списки. Может быть, вы найдёте то, что ищете.

Полина взяла папку. На ней была надпись от руки: «Родовые знаки. Материалы. 1830–1950».

— Спасибо, — сказала она.

Тамара Семёновна кивнула, но ничего не сказала. Она смотрела на Полину так, как будто хотела что-то добавить, но не решалась.

Ковалёв кашлянул.

— Я оставлю вас, — сказал он. — Мне нужно на выезд. Позвоните, когда закончите.

Он ушёл. Полина осталась в комнате одна — с папкой в руках, с Тамарой Семёновной, которая стояла у окна и смотрела на улицу, и с чувством, что она стоит на пороге чего-то, что может её уничтожить.

Она села за стол, открыла папку и начала читать.

Документы были старые, пожелтевшие, написаны от руки. Полина разбирала их медленно, привыкая к почерку, к манере письма, к словам, которые давно вышли из употребления. Она читала о семьях, которые жили здесь двести лет назад, об их традициях, об их вере в знаки, об их страхе перед тем, что они не понимали.

И постепенно перед ней начала вырисовываться картина.

Знаки были не просто метками. Они были частью системы — сложной, запутанной, связанной с землёй, с водой, с мёртвыми. Семьи, которые жили здесь, верили, что знаки защищают их от зла. Но были и другие знаки — те, которые использовали, чтобы проклясть, чтобы отомстить, чтобы скрыть что-то.

Полина перевернула страницу и замерла.

На листе был нарисован круг с крестом внутри. Тот самый знак — знак Димы. И рядом — подпись, сделанная другим почерком, более поздним: «Знак Крайновых. Защита рода. Используется для обозначения тайников и мест захоронения».

Захоронения. Полина почувствовала, как у неё пересохло во рту. Она перевернула ещё несколько страниц.

На следующем листе был треугольник с точкой — её знак. И подпись: «Знак младшей ветви Крайновых. Используется для обозначения мест, где спрятано что-то ценное. Или что-то опасное».

Опасное. Полина вспомнила, как они с Димой прятали «секретики» — фантики, стёклышки, красивые камни. И мать никогда не запрещала им. Никогда не говорила, что это опасно.

Или говорила? Полина напрягла память. Что-то было. Что-то, что она забыла. Мать стояла на крыльце и смотрела, как они играют, и что-то говорила. Что именно?

«Не прячьте слишком глубоко. И не оставляйте знаки там, где их могут увидеть».

Полина закрыла глаза. Теперь она вспомнила. Мать говорила это. Но тогда это казалось просто словами. Просто предостережением. А теперь…

Она открыла глаза и посмотрела на Тамару Семёновну.

— Тамара Семёновна, — сказала она. — Вы знали моего брата?

Тамара Семёновна медленно повернулась.

— Знала, — сказала она. — Дима был другом моего сына.

— Кости?

— Да. Они вместе учились. И вместе… — Она замолчала.

— Вместе что?

Тамара Семёновна подошла к столу, села напротив Полины.

— Вместе ходили на кладбище, — сказала она тихо. — В тот год. Они все туда ходили. Артём, Костя, Лёха, Дима. Они что-то искали. Что-то, что, по их мнению, было спрятано в старом склепе.

— Что именно?

— Я не знаю, — сказала Тамара Семёновна. — Костя мне не говорил. Но после того, как Дима пропал, он вернулся домой весь бледный, трясся, не мог говорить. Я спрашивала, что случилось, — он молчал. А через неделю уехал в армию. И больше не возвращался.

— А где он сейчас?

Тамара Семёновна отвернулась.

— Я не знаю, — сказала она. — Он не пишет. Не звонит. Я не знаю, жив он или нет.

Полина смотрела на неё и видела: Тамара Семёновна боится. Боится не за себя. За сына.

— Тамара Семёновна, — сказала Полина. — Вы знаете, что случилось с Димой?

Тамара Семёновна долго молчала. Потом посмотрела на Полину.

— Я знаю только одно, — сказала она. — В тот вечер на кладбище было что-то страшное. Что-то, что напугало моего сына так, что он до сих пор не может вернуться домой. И я думаю… — Она запнулась. — Я думаю, что Дима не уехал. Я думаю, что он там остался. На кладбище.

Полина почувствовала, как холод сжимает горло.

— Вы думаете, он мёртв?

Тамара Семёновна не ответила. Но её молчание было красноречивее любых слов.

Полина закрыла папку. Встала.

— Спасибо, — сказала она. — Мне нужно идти.

— Куда? — спросила Тамара Семёновна.

— На кладбище, — сказала Полина. — Я хочу посмотреть на тот склеп.

Тамара Семёновна побледнела.

— Не ходите туда, — сказала она. — Пожалуйста. Это может быть опасно.

— Я должна, — сказала Полина. — Я должна узнать, что случилось с братом.

Она взяла сумку, папку с документами и вышла из комнаты. Тамара Семёновна смотрела ей вслед, но не пыталась остановить.

На улице было всё так же серо и холодно. Полина достала телефон, набрала номер Ковалёва.

— Ковалёв, — сказала она, когда он ответил. — Мне нужно на кладбище. Срочно.

— Что случилось?

— Я нашла кое-что в архиве, — сказала Полина. — И я думаю, что знаю, где искать ответы.

Пауза.

— Хорошо, — сказал Ковалёв. — Я заеду через десять минут.

Полина положила трубку и посмотрела на небо. Оно было серое, тяжёлое, без единого просвета. Где-то там, за этими облаками, было солнце. Но она его не видела.

Она стояла на крыльце музея, прижимая к груди папку с документами, и ждала.

И думала о том, что через несколько минут она увидит то место, где двадцать лет назад исчез её брат.

Глава 3. Старый склеп

Кладбище в Северном было старым, запущенным и каким-то неправильным.

Полина помнила его с детства: они с матерью ходили сюда на родительский день, на Пасху, на Троицу — убирали могилы бабушки и деда, ставили цветы, зажигали свечи. Тогда кладбище казалось ей большим, таинственным местом, где за каждым поворотом пряталась история. Она любила читать надписи на памятниках — особенно на старых, дореволюционных, с выцветшими фотографиями и странными буквами.

Теперь кладбище выглядело иначе.

Оно было запущено. Дорожки заросли травой, заборы покосились, кресты и памятники потемнели от времени. Кое-где виднелись свежие могилы — с венками, с фотографиями, с оградками, — но их было мало. Большинство же заросло бурьяном, и казалось, что здесь давно никто не бывал.

Ковалёв остановил машину у ворот. Дальше дороги не было — только узкая тропинка, уходящая вглубь, между рядами могил.

— Приехали, — сказал он. — Дальше пешком.

Полина вышла из машины. Ветер здесь был сильнее, чем в городе, — он гнал по земле сухие листья и обрывки венков, шуршал в ветвях старых берёз, которые росли вдоль ограды. Небо было всё таким же серым, и казалось, что оно вот-вот упадёт на землю.

— Вы знаете, где склеп? — спросила она.

— Знаю, — сказал Ковалёв. — Он в дальней части, у оврага. Там раньше было старое захоронение, ещё с прошлого века. Потом его забросили.

Они пошли по тропинке. Ковалёв шёл впереди, Полина — за ним, прижимая к груди папку с документами. Она смотрела по сторонам, и ей казалось, что кладбище смотрит на неё в ответ — сотнями глаз, с фотографий на памятниках, с крестов, с надгробий.

— Здесь много старых могил, — сказала она.

— Да, — сказал Ковалёв. — Город старый. Кладбище с восемнадцатого века. Правда, сейчас его уже не расширяют — новое сделали за речкой.

— А склеп? Кому он принадлежал?

Ковалёв пожал плечами.

— Не знаю. Говорят, какой-то купеческой семье. Но это было давно. Сейчас там ничего нет — ни гробов, ни тел. Всё разграбили ещё в советское время.

Полина кивнула. Она смотрела на старые памятники, на которых ещё можно было разобрать надписи: «Купец второй гильдии…», «Надворный советник…», «Мещанин…». Здесь лежали те, кто когда-то строил этот город, — и теперь они были забыты, как и всё остальное.

Они шли минут десять. Кладбище тянулось вдоль оврага, спускавшегося к речке. Деревья здесь были старые, корявые, с голыми ветками, и сквозь них виднелось серое небо.

Наконец Ковалёв остановился.

— Вот, — сказал он. — Склеп.

Полина посмотрела.

Это было небольшое каменное сооружение, вросшее в землю. Стены из тёмного кирпича, полукруглая крыша, дверь, заложенная кирпичом. Рядом — поваленный крест и заросшая травой плита с едва различимой надписью.

— Он заложен, — сказала Полина.

— Да, — сказал Ковалёв. — Лет двадцать назад. После того случая.

— Какого случая?

Ковалёв помолчал.

— После исчезновения вашего брата, — сказал он. — Когда Дима пропал, сюда приезжали милиция, собаки. Искали в склепе. Ничего не нашли. А потом вход заложили, чтобы дети не лазили.

Полина подошла ближе. Кирпичная кладка была старой, но ещё крепкой — её делали на совесть. Она провела рукой по стене, чувствуя шершавую поверхность.

— Здесь был вход, — сказала она. — Внутрь можно попасть?

— Только если разобрать кладку, — сказал Ковалёв. — Но я не думаю, что там что-то есть. Всё давно вынесли.

Полина не ответила. Она смотрела на стену, на кирпичи, и что-то в её памяти шевелилось — смутное, неясное. Она видела этот склеп раньше. Не в детстве — тогда они сюда не ходили. А потом. Когда?

Она закрыла глаза и попыталась вспомнить.

Дима. Ему было шестнадцать. Он стоял на пороге дома, в куртке, с рюкзаком за плечами. Мать спрашивала, куда он идёт. Он отвечал: «На кладбище с ребятами». Мать хмурилась, говорила: «Что вы там забыли?» Дима смеялся, говорил: «Ничего. Просто гуляем».

А потом он ушёл. И не вернулся.

Полина открыла глаза.

— Ковалёв, — сказала она. — Мне нужно посмотреть внутри.

— Я же сказал — заложено.

— Я знаю. Но мне нужно.

Ковалёв посмотрел на неё. Потом вздохнул.

— Хорошо. Подождите здесь.

Он пошёл к машине и вернулся через несколько минут с ломом и фонариком.

— Я не должен этого делать, — сказал он. — Но ладно. Только быстро.

Он подошёл к стене и начал разбирать кладку. Кирпичи поддавались с трудом — они были старые, но крепкие. Ковалёв работал молча, и вскоре в стене образовалась дыра — достаточно большая, чтобы можно было пролезть.

— Готово, — сказал он, вытирая пот со лба. — Только осторожно. Там может быть что угодно.

Полина кивнула. Она взяла фонарик, наклонилась и пролезла в дыру.

Внутри было темно и сыро. Пахло землёй, плесенью и чем-то ещё — чем-то старым, затхлым, как будто здесь давно не было воздуха. Полина включила фонарик и посветила по сторонам.

Склеп был небольшой — метров пять на пять. Стены из того же тёмного кирпича, земляной пол, низкий потолок. В углах — кучи мусора: старые доски, битые кирпичи, сухие листья. И ничего больше. Ни гробов, ни костей, ни надписей.

Полина медленно прошлась по склепу, освещая фонариком каждый угол. Она не знала, что ищет. Может быть, следы. Может быть, знаки. Может быть, что-то, что осталось от Димы.

И тут она увидела.

В дальнем углу, у самой стены, на земле был нацарапан знак. Тот самый — круг с крестом внутри. Знак Димы. Полина присела, посветила ближе. Знак был старый, полустёртый, но ещё различимый. А рядом с ним — ещё один. Треугольник с точкой. Её знак.

Полина почувствовала, как у неё перехватило дыхание.

Она достала телефон, сделала снимок. Потом посветила вокруг. И увидела ещё кое-что — в стене, у самого пола, был выступ, как будто кирпич выдвигался. Полина нажала на него. Кирпич поддался, и за ним открылась небольшая ниша.

В нише лежал свёрток — тряпичный, старый, перевязанный верёвкой.

Полина достала его. Развернула.

Внутри была тетрадь. Обычная школьная тетрадь в клетку, с потрёпанной обложкой. На первой странице было написано: «Дима Крайнов. 9 „Б“».

Полина села на землю, не чувствуя холода, и открыла тетрадь.

Это был дневник. Дима вёл его последний год — с сентября по май. Полина листала страницы, и перед ней проходила жизнь брата: школа, друзья, мысли, планы. Он писал о девчонке, которая ему нравилась, о том, что хочет поступить в институт, о том, что отец давит на него, требует, чтобы он пошёл в армию, а не в университет.

А потом — записи о кладбище.

«15 апреля. Артём сказал, что в склепе есть что-то ценное. Говорит, что его дед рассказывал, будто там спрятаны документы какой-то богатой семьи. Мы хотим проверить».

«20 апреля. Сегодня были в склепе. Ничего не нашли. Только старые бумаги, которые рассыпаются в руках. Артём злится. Говорит, что мы плохо искали».

«28 апреля. Костя отказался идти. Говорит, что ему страшно. Артём назвал его трусом. Я не знаю, что делать. Мне тоже страшно, но я не хочу, чтобы Артём думал, что я трус».

«5 мая. Артём нашёл что-то. Не говорит что. Говорит, что это очень ценное. Говорит, что мы можем продать это и уехать из этого города. Я не верю ему. Он какой-то странный в последнее время».

«10 мая. Я видел, что Артём делал в склепе. Он прятал что-то в стене. Я спросил, что это. Он сказал, чтобы я не лез не в своё дело. Мы поссорились».

«12 мая. Сегодня мы снова были на кладбище. Артём сказал, что мы должны помочь ему перенести вещи. Я не хотел, но он сказал, что если я не пойду, он расскажет всем, что я трус. Я пошёл. И теперь я не знаю, что делать. Я видел то, что не должен был видеть».

Запись обрывалась.

Полина перевернула страницу. Следующая была пустой. И ещё одна. И ещё.

Она закрыла тетрадь и посмотрела на неё. Потом прижала к груди, как будто это могло вернуть брата.

Дима знал и он видел что-то в склепе. Что-то, что Артём прятал. И через несколько дней Дима исчез.

— Полина? — раздался голос Ковалёва снаружи. — Вы там?

Полина не произнесла ни слова. Она так и осталась сидеть на земле, крепко сжимая в руках тетрадь, а внутри у неё будто что-то надломилось, рассыпалось на мелкие осколки. Двадцать лет она жила с этой обидой — думала, что Дима просто сбежал, бросил их с матерью, не оглянувшись. Двадцать лет копила в себе эту горечь, злилась на него за исчезновение, искала в памяти хоть одну причину, которая могла бы это оправдать.

А теперь всё перевернулось. Он не сбежал. Его не было уже тогда, в тот вечер, когда он ушёл на кладбище. Он погиб — и, скорее всего, потому, что увидел то, чего не должен был видеть. То, что кому-то очень хотелось сохранить в тайне.

— Полина! — Ковалёв уже лез в дыру. — Что случилось?

Он оказался рядом, присел на корточки, посветил фонариком ей в лицо.

— Вы в порядке?

Полина посмотрела на него.

— Это дневник моего брата, — сказала она. — Он был здесь. За несколько дней до исчезновения.

Ковалёв взял тетрадь, полистал. Его лицо помрачнело.

— Артём, — сказал он. — Артём Шульгин. Это он?

— Да, — сказала Полина. — Он что-то прятал в склепе. Дима это видел, а потом Дима пропал.

Ковалёв закрыл тетрадь.

— Нам нужно поговорить с Шульгиным, — сказал он. — Где он сейчас?

— Не знаю, — сказала Полина. — Он уехал из города. Но Тамара Семёновна сказала, что он приезжал незадолго до убийства.

Ковалёв кивнул.

— Тогда найдём его. — Он помог Полине подняться. — Пойдёмте. Здесь больше нечего делать.

Полина взяла тетрадь, спрятала её в сумку. Посмотрела на знаки на земле — круг с крестом, треугольник с точкой. Последние следы брата.

— Подождите, — сказала она. — Мне нужно сфотографировать.

Она сделала несколько снимков знаков, ниши, стены. Потом выключила фонарик и выбралась наружу.

На улице по-прежнему было серо и холодно. Ветер гнал по земле листья, и где-то вдалеке каркала ворона.

— Ковалёв, — сказала Полина. — Вы знали Артёма Шульгина?

— Знал, — сказал он. — Он был на пару лет старше меня. В школе задира был ещё тот. Потом уехал в областной центр, говорят, занимался бизнесом. А что?

— Он был другом моего брата, — сказала Полина. — И он был на кладбище в тот вечер. Мне нужно с ним поговорить.

Ковалёв посмотрел на неё.

— Вы думаете, он имеет отношение к убийству? К Пугачёву?

— Не знаю, — сказала Полина. — Но я знаю, что он знает о Диме больше, чем говорит.

Они шли обратно к машине. Полина шагала, чувствуя, как тетрадь в сумке оттягивает плечо. Годы вины, что она будто бы не сделала всего возможного для поисков брата, теперь казались ей тяжёлым, ненужным грузом. Столько времени она сердилась на мать за то, что та не могла отпустить прошлое, не хотела смириться с его исчезновением.

Теперь всё виделось иначе. Полина наконец поняла: мать не цеплялась за иллюзии — она хранила правду. Дима не сбежал, не выбрал другую жизнь. Его убили. И теперь Полина знала, кто был рядом с ним в те последние дни — те самые ребята, его друзья, чья близость, возможно, и обернулась для него бедой.

Когда они сели в машину, Ковалёв сказал:

— Я пробью Шульгина. Узнаю, где он, чем занимается. Может, у него есть судимости.

— Спасибо, — сказала Полина.

Она смотрела в окно, на кладбище, которое оставалось позади — серое, молчаливое, хранящее свои тайны. И думала о том, что теперь у неё есть дневник брата. И она знает, с чего начать. И у неё есть первый подозреваемый.

Артём Шульгин. Человек, который что-то прятал в склепе. Человек, который мог убить её брата.

Полина сжала кулаки.

Она найдёт его. И она узнает правду. Даже если это её убьёт.

Машина выехала с кладбища и покатила обратно в город. Полина смотрела на дорогу и молчала. Впереди был день, полный вопросов. И она собиралась найти на них ответы.

Глава 4. Имена

Отдел полиции в Северном располагался в старом двухэтажном здании на углу площади — бывшем райкоме, с толстыми стенами, высокими потолками и запахом бумаги и казённой мебели. Ковалёв провёл Полину на второй этаж, в свой кабинет — маленькую комнату с двумя столами, сейфом в углу и окном, выходящим на пожарную лестницу.

— Садитесь, — сказал он, кивнув на стул. — Сейчас пробиваю Шульгина.

Полина села. Положила сумку на колени, достала тетрадь Димы. Она не стала открывать её сразу — сначала посмотрела на обложку, на выцветшие буквы, написанные рукой брата. «Дима Крайнов. 9 „Б“». Он писал это двадцать лет назад, в сентябре, когда ему было шестнадцать. Тогда он ещё не знал, что через восемь месяцев исчезнет.

Ковалёв сел за свой стол, включил компьютер — старый, с толстым монитором, — и начал стучать по клавишам. Полина смотрела на его лицо, на то, как он хмурится, как хмурится всё сильнее.

— Есть, — сказал он наконец. — Шульгин Артём Викторович, сорок два года. Прописан в области, но неделю назад зарегистрировался в гостинице «Центральная» — это у нас на площади. Говорит, приехал по делам.

— По каким делам?

— Не указано. Но я знаю, что он собирался продавать родительский дом. Отец его умер два года назад, дом стоит пустой. Вот он и приехал — оформить бумаги.

Полина кивнула. Она смотрела на Ковалёва и видела: он тоже что-то заподозрил. Слишком много совпадений: Шульгин приезжает в город, и через несколько дней находят труп с теми же знаками, что были на кладбище двадцать лет назад.

— Поехали, — сказала она. — Поговорим с ним.

— Сейчас?

— А чего ждать?

Ковалёв посмотрел на неё, потом на часы.

— Хорошо. Только давайте договоримся: вы не будете лезть вперёд. Я задаю вопросы, вы наблюдаете. Если он что-то скажет — вы мне потом объясните, что это значит. Договорились?

— Договорились.

Гостиница «Центральная» была тем самым зданием, где когда-то останавливались командировочные и молодожёны. Теперь она обветшала: фасад облупился, вывеска погасла, у входа стояла лишь одна машина — старый «Москвич». Ковалёв припарковался рядом, и они вошли внутрь.

На ресепшене сидела женщина лет пятидесяти, с усталым лицом и журналом мод. Она подняла глаза, увидела Ковалёва и сразу напряглась.

— Глеб Сергеевич? Что-то случилось?

— Ничего, Людмила Петровна, — сказал Ковалёв. — Нам нужен Шульгин. Артём Викторович. В каком он номере?

Женщина посмотрела в журнал.

— В шестом. Второй этаж. Но он утром уходил, ещё не возвращался.

— А куда уходил, не знаете?

— Не знаю. Он не отчитывается.

Ковалёв кивнул.

— Мы подождём. Можно?

— Ждите, — сказала женщина и снова уткнулась в журнал.

Они сели в холле — на старый диван с продавленными пружинами. Полина положила сумку на колени, прижала к себе. Она смотрела на лестницу, на второй этаж, и чувствовала, как внутри неё всё сжимается.

— Вы его знали? — спросила она тихо.

— Шульгина? — Ковалёв пожал плечами. — Знал, конечно. Он в школе был на два класса старше. Артём Шульгин, сын директора рынка. Первый парень на деревне: высокий, красивый, девчонки по нему сохли. Но был у него один недостаток — он любил командовать. Всегда должен был быть главным. Если кто-то не слушался — мог и ударить.

Полина вспомнила. Она видела Артёма несколько раз — на школьных вечерах, на рынке, куда иногда заходила с матерью. Высокий, с белозубой улыбкой, в дорогой куртке. Он всегда был окружён людьми — парнями, которые смеялись над его шутками, девчонками, которые смотрели на него с восхищением. Он был из тех, кто умеет нравиться.

— А что он делал в склепе? — спросила Полина.

— Вот это мы у него и спросим, — сказал Ковалёв.

Они просидели минут двадцать. Полина успела прочитать несколько страниц дневника — те, что шли после записи о 12 мая. Но там было пусто: Дима больше не писал. Последняя запись обрывалась на полуслове, и дальше шли чистые страницы.

Наконец дверь открылась, и на пороге появился мужчина.

Он был высокий, широкоплечий, с короткой стрижкой и тяжёлым подбородком. В дорогой куртке, в джинсах, в ботинках, которые стоили больше, чем вся мебель в этом холле. Он вошёл, не глядя по сторонам, — и остановился, увидев Ковалёва.

— Глеб? — сказал он. — Ты что здесь делаешь?

— Тебя жду, — сказал Ковалёв, поднимаясь. — Артём Викторович, у нас есть вопросы.

Шульгин посмотрел на него, потом на Полину. Его взгляд задержался на ней на секунду дольше, чем нужно.

— А это кто? — спросил он.

— Полина Крайнова, — сказала Полина. — Сестра Димы.

Шульгин не изменился в лице. Но что-то в его глазах дрогнуло — быстро, почти незаметно.

— Димы, — повторил он. — Димы Крайнова. Давно это было.

— Двадцать лет, — сказала Полина.

— Да, двадцать лет прошло, — Шульгин криво усмехнулся, будто сам удивился, как быстро летит время. — А ты совсем другой стала. Помню тебя совсем девчонкой — с косичками, в стоптанных сандаликах. Ты тогда ни на шаг от Димы не отходила, всё хвостиком за ним бегала.

— Ходила, — сказала Полина.

Шульгин посмотрел на неё внимательнее. Потом перевёл взгляд на Ковалёва.

— Глеб, объясни, что происходит. Зачем вы меня ждёте?

— Нам нужно поговорить, — сказал Ковалёв. — Не здесь. Может, поднимемся в номер? Или проедем в отдел?

— В отдел? — Шульгин напрягся. — Я не понимаю. Что случилось?

— Убили человека, — сказал Ковалёв. — Валерия Пугачёва. Вы его знали?

Шульгин помолчал.

— Знал, — сказал он. — Он когда-то работал у моего отца, на рынке. Потом запил, ушёл. А что?

— Его нашли у элеватора. Рядом с телом были знаки. Те же самые, что были на кладбище двадцать лет назад.

Шульгин смотрел на него. Потом медленно покачал головой.

— Я не понимаю, о чём ты.

— О склепе, — сказала Полина. — О том, что вы там искали. О том, что Дима видел.

Шульгин повернулся к ней. В его глазах появилось что-то новое — злость.

— Ты-то откуда знаешь про склеп?

— Из дневника брата, — сказала Полина. — Он писал, что ты что-то прятал в стене. Он видел это за несколько дней до исчезновения.

Шульгин молчал. Он смотрел на неё, и Полина видела, как напряглись его скулы, как сжались кулаки.

— Это было давно, — сказал он наконец. — Мы были пацанами. Играли в кладоискателей и не было ничего серьёзного.

— А почему Дима исчез? — спросила Полина.

— Я ничего не знаю. Он просто ушёл — и будто растворился. Мы искали, обшарили всё, что могли, но так и не нашли. А через полгода я уехал. Вот и вся история.

— А что ты прятал в стене? — спросил Ковалёв.

Шульгин посмотрел на него.

— Ничего. Старые бумаги. Хлам. Я не помню.

— Не помнишь? — Полина шагнула к нему. — Ты прятал что-то в склепе, а через несколько дней мой брат исчез. А теперь убивают человека, который работал у твоего отца. И ты говоришь, что не помнишь?

— Я не знаю, что произошло с твоим братом, — сказал Шульгин. — И Пугачёва я не убивал. Я приехал сюда, чтобы продать дом, и всё. Мне нет дела до ваших проблем.

Он развернулся и пошёл к лестнице.

— Артём Викторович, — сказал Ковалёв. — Я не советую вам уходить. Мы можем поговорить в отделе, или я могу оформить всё официально.

Шульгин остановился. Повернулся.

— Ты мне угрожаешь, Глеб?

— Я предупреждаю, — сказал Ковалёв. — Пока это просто разговор. Но если вы будете уходить от ответов, я начну задавать вопросы по-другому.

Шульгин смотрел на него секунду. Потом усмехнулся.

— Ладно, поговорим, только не тут. Поднимайтесь в номер.

Он развернулся и пошёл вверх по лестнице. Ковалёв бросил взгляд на Полину и коротко кивнул — мол, идём. Она двинулась следом.

Номер Шульгина оказался на втором этаже: тесный, с минимумом мебели — кровать, шкаф, стол у окна. На столе стояла наполовину опустошённая бутылка коньяка, рядом в беспорядке лежали какие-то бумаги — доверенности, документы.

Шульгин опустился на кровать. Ковалёв остался стоять у двери, будто нарочно занимая проход. Полина села на стул возле стола.

— Итак, — начал Ковалёв, голос прозвучал ровно, без нажима. — Что вы прятали в склепе?

Шульгин помолчал, потом плеснул в стакан коньяк и залпом выпил.

— Точно уже и не вспомню, — наконец проговорил он. — Какие-то бумаги. Я их в тайнике под полом нашёл — старые, ещё дореволюционные. Думал, что стоят денег, хотел продать. А потом понял, что никому они не нужны.

— Что за бумаги? — уточнила Полина.

— Да откуда мне знать? Я в них не вникал. Какой-то архив: письма, документы… Я в этом не разбираюсь.

— Тогда почему Дима так переполошился? — не отступала Полина.

Шульгин поднял на неё взгляд.

— С чего ты взяла, что он испугался?

— Он записал в дневнике, что увидел то, чего видеть не должен был. И что не знал, как быть.

Шульгин снова опустил глаза, уставился в пол. Полина заметила, как напряглись его плечи, как чуть дрогнули пальцы.

— Не знаю, — буркнул он после паузы. — Мы просто повздорили. Он хотел всё рассказать взрослым. Я сказал, чтобы не лез не в своё дело. Слово за слово — поругались, и я ушёл. А на следующий день его уже не было.

— Вы ему что-то сказали? Пригрозили? — спросил Ковалёв.

— Нет, — Шульгин вскинул голову. — Никаких угроз. Просто просил не вмешиваться. Это была обычная мальчишеская перепалка, ничего серьёзного.

— А сами бумаги вы читали? — снова вмешался Ковалёв.

— Говорю же — нет. Даже толком не разворачивал. Они старые были, прямо в руках рассыпались. Я сунул их обратно в тайник и ушёл.

Полина не сводила с него глаз. Что-то не сходилось. Его спокойствие казалось нарочитым, а уверенность — слишком гладкой, будто отрепетированной.

— Артём, — тихо произнесла она. — А где эти бумаги сейчас?

— Понятия не имею. Я уехал. Склеп потом заложили, я туда больше не ходил.

— А Пугачёв? — подал голос Ковалёв. — Вы ведь с ним встречались, когда вернулись?

Шульгин помедлил, словно взвешивая, что сказать.

— Встречался. Раз всего. Он ко мне на рынке подошёл, денег попросил. Я дал ему сотню. Он поблагодарил и ушёл.

— О чём говорили?

— Да ни о чём. Он был пьян. Сказал, что помнит меня, что я тут раньше жил. Я ответил, что да, жил. Вот и весь разговор.

Ковалёв переглянулся с Полиной. Она едва заметно кивнула.

— Хорошо, — сказал Ковалёв уже спокойнее. — На сегодня хватит. Но из города пока не уезжайте. Ещё придётся поговорить.

— И не собирался, — пожал плечами Шульгин. — Дом ещё не продал.

Они вышли из номера. На лестничной площадке Полина задержалась, остановилась, будто ноги сами не хотели идти дальше.

— Он врёт, — прошептала она, глядя прямо перед собой.

— Знаю, — сказал Ковалёв. — Но пока не на чем его поймать. Слова — это не доказательства. Нужны бумаги.

— Значит, надо найти бумаги, — сказала Полина. — То, что он прятал в склепе. Если они ещё там.

— А если нет?

— Тогда надо искать в другом месте.

Они вышли на улицу. Солнце так и не вышло — небо было серое, тяжёлое. Полина стояла на крыльце гостиницы и смотрела на площадь, на людей, которые шли по своим делам, на машины, которые проезжали мимо.

— Ковалёв, — сказала она. — Мне нужно в архив. Ещё раз. Я хочу посмотреть на документы, которые он мог найти.

— Хорошо, — сказал он. — Завтра с утра.

— Нет, — сказала Полина. — Сейчас.

Ковалёв посмотрел на неё. Потом вздохнул.

— Ладно. Поехали.

Они сели в машину, и автомобиль тронулся, увозя их обратно к музею. Полина смотрела в окно, рассеянно скользя взглядом по мелькавшим пейзажам, а в голове крутилась одна и та же мысль: Шульгин что-то недоговаривает. Что-то важное.

Она была уверена: бумаги, найденные им в склепе, — это ниточка, потянув за которую можно распутать весь клубок. Они могли объяснить и исчезновение Димы, и убийство Пугачёва, и эти странные знаки, появлявшиеся на местах преступлений.

Полина пока не представляла, с чего начать поиски и что именно нужно отыскать. Но твёрдо знала одно: она докопается до правды. Теперь у неё были имена, и она не собиралась оставлять их без проверки.

Глава 5. Бумаги

Музей был уже закрыт, но Тамара Семёновна ещё не ушла.

Она стояла в вестибюле, в пальто, с сумкой в руках, и явно собиралась домой. Увидев Полину и Ковалёва на пороге, она остановилась.

— Что-то случилось? — спросила она.

— Нам нужен архив, — сказала Полина. — Ещё раз.

— Сейчас? Музей закрыт.

— Тамара Семёновна, — сказал Ковалёв. — Это важно. Речь идёт об убийстве.

Тамара Семёновна посмотрела на него, потом на Полину. В её глазах была усталость — и что-то ещё, похожее на обречённость.

— Хорошо, — сказала она. — Пойдёмте.

Она повела их на второй этаж, в ту же комнату, где Полина уже была днём. Включила свет, села на стул у стены.

— Что вы хотите найти? — спросила она.

— Бумаги, — сказала Полина. — Те, которые Артём Шульгин нашёл в склепе. Он говорит, что это был какой-то архив. Старые документы. Он не читал их, но они были в тайнике.

Тамара Семёновна помолчала.

— В склепе был тайник? — спросила она.

— Да. Под полом. Артём нашёл его, когда они с ребятами лазили туда. Он спрятал бумаги обратно, но Дима видел, что он делал.

Тамара Семёновна отвернулась.

— Тамара Семёновна, — сказала Полина. — Вы знали моего брата?

Тамара Семёновна помолчала. Потом кивнула.

— Знала. Он дружил с Костей. Они вместе учились.

— А что вы знали о том вечере? О том, что произошло на кладбище?

Тамара Семёновна отвернулась. Полина видела, как напряглись её плечи.

— Я знала, что они туда ходили, — сказала она тихо. — Костя мне говорил. Говорил, что Артём нашёл в склепе какие-то бумаги. Говорил, что они хотят их продать.

— А Дима?

— Дима был против. Костя говорил, что Дима хотел рассказать взрослым. Что он считал это воровством.

Полина почувствовала, как что-то сжимается внутри.

— А что было в бумагах? Костя говорил?

Тамара Семёновна долго молчала. Потом заговорила — медленно, как будто каждое слово давалось ей с трудом.

— Костя сказал только одну вещь. Я запомнила. Он сказал: «Мама, там написано про наших. Про то, что они сделали».

— Про кого «наших»?

— Про семьи. Шульгиных. Гринько. Сомовых. Крайновых. Всех, кто здесь живёт с давних времён.

Полина замерла.

— Что именно там было написано?

— Я не знаю. Костя не читал. Он только видел, как Артём читал. И как у Артёма лицо менялось. Костя сказал, что Артём был как бешеный. Кричал, что теперь они все богатые. Что теперь они могут уехать.

— А Дима?

— Дима сказал, что это неправильно. Что если они это сделают, то будут такими же, как те, кто это сделал раньше.

Тамара Семёновна замолчала. Полина смотрела на неё и видела: она боится. Боится не за себя. За сына.

— Тамара Семёновна, — сказала Полина. — Вы знаете, что случилось с Димой?

Тамара Семёновна посмотрела на неё. В её глазах были слёзы.

— Я знаю только одно, — сказала она. — В тот вечер на кладбище было что-то страшное. Что-то, что напугало моего сына так, что он до сих пор не может вернуться домой. И я думаю… — Она запнулась. — Я думаю, что Дима не уехал. Я думаю, что он там остался. На кладбище.

Полина почувствовала, как холод сжимает горло.

— Вы думаете, он мёртв?

Тамара Семёновна не ответила. Но её молчание было красноречивее любых слов

Полина отвернулась. Она смотрела на стеллажи с папками, на старые корешки, на пыль, которая лежала на полках. И думала о том, что Дима был прав. Прав в чём? Что нужно было рассказать взрослым? Что Артём что-то прятал? Что в склепе было что-то, что не должно было оставаться тайной?

— Тамара Семёновна, — сказала она. — У вас есть документы по склепу? По тем, кто там похоронен? По тому, что там было?

Тамара Семёновна встала. Подошла к дальнему шкафу, открыла дверцу.

— Есть, — сказала она. — Но это старые документы. Ещё с прошлого века. Я не уверена, что там есть что-то о тайнике.

— Давайте посмотрим.

Тамара Семёновна достала несколько папок, положила на стол. Полина села, открыла первую.

Это были документы по истории кладбища: планы захоронений, списки имён, копии метрических книг. Полина листала страницы, и перед ней проходили фамилии людей, которые жили здесь сто, сто пятьдесят лет назад. Купцы, мещане, чиновники, священники. Все они лежали теперь в земле, и никто не помнил их.

— А вот это, — сказала Тамара Семёновна, — документы по склепу. Тут немного. Он был построен в конце девятнадцатого века. Принадлежал семье купца первой гильдии Сомова.

Полина подняла голову.

— Сомова? — переспросила она. — Лёха Сомов. Это его семья?

— Да, — сказала Тамара Семёновна. — Лёха — из той же семьи. Только дальний родственник. Но фамилия та же.

Полина посмотрела на Ковалёва. Он стоял у двери, слушал.

— Лёха Сомов, — сказал он. — Он был с ними на кладбище?

— Был, — сказала Полина. — Дима писал о нём. Лёха был тихий, держался в тени. Но он тоже там был.

Она вернулась к документам. В папке было несколько листов: план склепа, опись имущества, какие-то письма. Полина развернула план. На нём были обозначены стены, ниши, вход. И в дальнем углу — маленький квадрат, помеченный крестом.

— Что это? — спросила она, показав Тамаре Семёновне.

Тамара Семёновна наклонилась, посмотрела.

— Не знаю, — сказала она. — Может быть, тайник. Или место для гроба.

— А вы знали, что в склепе был тайник?

— Нет. Но я не удивлена. В таких склепах часто делали тайники. Люди прятали там ценности — на случай войны или грабежа.

Полина кивнула. Она смотрела на план и думала: если тайник был в стене, то Артём нашёл его. И что-то оттуда взял. Или спрятал обратно.

— Тамара Семёновна, — сказала она. — А что было в этом склепе? Какие ценности?

Тамара Семёновна пожала плечами.

— Я не знаю. Документы не сохранились. Но по описи, которую я видела, там были какие-то бумаги, письма, может быть, деньги. Всё это разграбили ещё в советское время.

Полина отложила план. Взяла следующую папку. Это были письма — старые, на пожелтевшей бумаге, с выцветшими чернилами. Она развернула одно.

«Милостивый государь, — читала она. — Спешу сообщить вам, что дела наши идут хуже, чем мы предполагали. Бумаги, которые вы оставили в тайнике, могут быть опасны. Я прошу вас забрать их или уничтожить. Если они попадут не в те руки, это может стоить нам жизни».

Полина подняла глаза.

— Тамара Семёновна, — сказала она. — Вы это читали?

Тамара Семёновна подошла, посмотрела на письмо. Её лицо изменилось — стало настороженным.

— Нет, — сказала она. — Я не читала эти письма. Они были в общей папке, я не разбирала их.

— А кто-нибудь ещё мог их читать?

— Не знаю. Может быть, кто-то из сотрудников. Но у нас мало кто работает. Я, да ещё две женщины — они занимаются экскурсиями.

Полина вернулась к письму. Прочитала до конца. Потом взяла следующее.

«Вы должны понять, — писал кто-то. — Если эти бумаги станут известны, это коснётся не только нас. Это коснётся всех. Я прошу вас молчать. Ради наших семей. Ради наших детей».

Полина отложила письмо. Посмотрела на Ковалёва.

— Здесь что-то не так, — сказала она. — Эти письма — не просто переписка. Это что-то личное. Что-то, что люди скрывали.

— Что именно? — спросил Ковалёв.

— Не знаю. Но я думаю, что Артём нашёл в склепе именно эти бумаги. Или что-то похожее. И когда Дима увидел их, он понял, что это опасно.

— Опасно для кого?

— Для тех, кто в них упомянут, — сказала Полина. — И для тех, кто их нашёл.

Она посмотрела на Тамару Семёновну.

— Тамара Семёновна, — сказала она. — А вы знаете, кто такие Сомовы? Чем они занимались?

Тамара Семёновна помолчала.

— Сомовы были богатой семьёй, — сказала она. — Они владели землёй, лесом, мельницей. Но в начале двадцатого века что-то случилось. Они разорились. Почти всё потеряли. А потом уехали. Куда — не знаю.

— А Лёха? Он знает об этом?

— Не думаю. Он вырос здесь, но его родители были простыми людьми. Работали на заводе. Они не знали о своём происхождении. Или не хотели знать.

Полина кивнула. Она смотрела на письма и думала: что если бумаги, которые нашёл Артём, — это не просто старые документы? Что если это что-то, что может разрушить репутацию семьи? Или что-то, что может стоить кому-то жизни?

— Ковалёв, — сказала она. — Мне нужно найти Лёху Сомова.

— Он уехал, — сказал Ковалёв. — Давно. Говорят, в армии служил, потом остался где-то на севере. А что?

— Он был на кладбище в тот вечер, — сказала Полина. — И он из семьи Сомовых. Он может знать больше, чем говорит.

Ковалёв кивнул.

— Я пробью его. Узнаю, где он.

— Спасибо.

Полина встала, собрала бумаги, которые они смотрели, и положила их обратно в папку. Потом посмотрела на Тамару Семёновну.

— Тамара Семёновна, — сказала она. — Вы не говорили Артёму, что я приходила?

Тамара Семёновна покачала головой.

— Нет. Я никому не говорила.

— Хорошо. И ещё — если кто-то будет спрашивать про эти документы, не говорите, что я их смотрела.

Тамара Семёновна посмотрела на неё.

— Вы думаете, кто-то может спросить?

— Я думаю, что кто-то уже спрашивал, — сказала Полина. — И этот кто-то убил Пугачёва. А может быть, и моего брата.

Тамара Семёновна побледнела. Но ничего не сказала.

Полина и Ковалёв вышли из музея. На улице было уже совсем темно. Фонари горели через один, и площадь казалась пустой и тихой.

— Что вы думаете? — спросил Ковалёв.

— Я думаю, что бумаги, которые нашёл Артём, — это ключ, — сказала Полина. — И я думаю, что он врёт, когда говорит, что не читал их. Он что-то знает. И он что-то скрывает.

— Согласен, — сказал Ковалёв. — Но пока у нас нет доказательств. Только слова.

— Значит, надо найти бумаги, — сказала Полина. — Они где-то есть. Может быть, в склепе. Может быть, у Артёма. Может быть, у Лёхи.

— А если их нет?

— Тогда мы ищем того, кто их забрал.

Ковалёв кивнул.

— Ладно. Завтра я пробью Сомова. А вы пока… — Он посмотрел на неё. — Вы пока отдохните. Вы сегодня много сделали.

Полина покачала головой.

— Я не могу отдыхать. Я должна найти ответы.

— Вы их найдёте, — сказал Ковалёв. — Но не за один день.

Полина посмотрела на него. В его глазах была усталость — и что-то ещё, похожее на участие. Она не привыкла к этому. В Москве никто не смотрел на неё так. Там все были заняты собой.

— Хорошо, — сказала она. — Завтра.

Она пошла к дому. Ковалёв предложил подвезти, но она отказалась — хотела пройтись. Улицы были пусты, и она шла одна, в темноте, и думала о том, что узнала сегодня.

Дима был на кладбище. Дима видел что-то, что напугало его. Дима написал в дневнике, что не знает, что делать. А потом исчез.

И теперь, двадцать лет спустя, кто-то убивает человека, который работал у отца Артёма Шульгина. И оставляет на месте убийства знаки — те же самые, что были на кладбище.

Полина остановилась у своего дома. Посмотрела на тёмные окна, на старую яблоню, на сломанные качели.

Она не знала, что её ждёт завтра. Но она знала, что не остановится.

Она открыла калитку, вошла во двор и поднялась на крыльцо. Достала ключ, отперла дверь.

И замерла.

На столе, в комнате, горела лампа. Полина точно помнила, что выключила свет, когда уходила. Она стояла на пороге и смотрела на лампу, на стол, на что-то, что лежало на столе.

Это был лист бумаги. Белый, сложенный вчетверо.

Полина подошла, развернула его.

На листе был нарисован знак. Круг с крестом внутри. Знак Димы.

А под ним — подпись, сделанная от руки: «Ты следующая».

Полина почувствовала, как холод сжимает горло. Она оглянулась — в комнате было пусто. Только тени, только тишина.

Она достала телефон, набрала номер Ковалёва.

— Ковалёв, — сказала она, когда он ответил. — Кто-то был в моём доме.

Глава 6. Ты следующая

Ковалёв приехал через десять минут.

Полина стояла на крыльце, не заходя в дом, и курила — хотя не курила уже пять лет. Сигарету она нашла в старой материной пачке, в ящике кухонного стола, и закурила, потому что руки тряслись. Дым горчил, царапал горло, но это было хоть какое-то действие.

Машина Ковалёва остановилась у калитки. Он вышел быстро, без пальто, в одной куртке, и Полина поняла, что он сорвался сразу, как только положил трубку.

— Вы целы? — спросил он, подходя.

— Цела.

— В доме кто-то есть?

— Я не проверяла. Стояла здесь.

Ковалёв кивнул, достал из-за пояса пистолет — Полина даже не сразу поняла, что это пистолет, настолько буднично он это сделал, — и вошёл в дом.

Полина осталась на крыльце. Она смотрела на двор, на старую яблоню, на сломанные качели, и слушала, как внутри ходят шаги: Ковалёв проверял комнаты одну за другой. Скрип половиц, стук дверец, тишина.

Потом он вышел.

— Пусто, — сказал он. — Никого. Но на кухне окно открыто. Судя по всему, через него и вошли.

Полина вошла в дом. На кухне действительно было открыто окно — старое, деревянное, с защёлкой, которую можно поддеть ножом. На подоконнике остались следы: грязные разводы, как будто кто-то опирался рукой.

— Обувь? — спросила она.

— Не разобрать, — сказал Ковалёв. — Смазано. Но, судя по размеру, мужчина. Или крупная женщина.

Полина прошла в комнату. Лист бумаги по-прежнему лежал на столе. Она не стала его трогать.

— Я его не касалась, — сказала она. — Только развернула. Он был сложен вчетверо.

Ковалёв подошёл, посмотрел на лист, на знак, на подпись. Потом достал из кармана телефон, сфотографировал.

— «Ты следующая», — прочитал он вслух. — Не очень оригинально.

— Зато понятно.

Ковалёв посмотрел на неё.

— Вы понимаете, что это значит? Кто-то знает, что вы здесь. Кто-то знает, что вы копаете. И этот кто-то не хочет, чтобы вы копали.

— Я понимаю.

— И вы всё равно не уедете?

Полина посмотрела на него.

— А вы бы уехали?

Ковалёв помолчал. Потом убрал телефон в карман.

— Ладно. Я вызову эксперта. Снимут отпечатки, посмотрят следы. Но вы должны понимать: это займёт время. А пока — вам нельзя оставаться здесь одной.

— Я не одна. У меня есть вы.

Ковалёв посмотрел на неё. В его глазах что-то мелькнуло — то ли удивление, то ли что-то другое.

— Я не могу сидеть с вами круглосуточно, — сказал он. — У меня работа.

— Я не прошу сидеть. Я прошу помочь найти того, кто это сделал.

Ковалёв вздохнул.

— Хорошо. Но сегодня вы ночуете не здесь. У меня есть знакомые — тётя Валя, соседка вашей матери. Она живёт одна, у неё есть свободная комната. Я договорюсь.

Полина хотела возразить, но поняла, что он прав. Оставаться в доме, где кто-то только что был, где кто-то оставил записку с угрозой, — глупо. И опасно.

— Хорошо, — сказала она. — Но завтра я вернусь.

— Завтра будет завтра.

Ковалёв вышел на крыльцо, достал телефон, начал кому-то звонить. Полина осталась в комнате. Она смотрела на лист бумаги, на знак Димы, на подпись — и думала о том, что этот знак был не просто угрозой. Это было послание. Кто-то знал, что она узнает этот знак. Кто-то знал, что она поймёт.

Выходит, тот, кто всё это затеял, был знаком с Димой. Знал не только его, но и всю их семью. И прекрасно понимал, что случилось двадцать лет назад — и как это можно использовать.

Полина достала из сумки тетрадь брата. Открыла на последней записи.

«12 мая. Сегодня мы снова были на кладбище. Артём сказал, что мы должны помочь ему перенести вещи. Я не хотел, но он сказал, что если я не пойду, он расскажет всем, что я трус. Я пошёл. И теперь я не знаю, что делать. Я видел то, что не должен был видеть».

Она перечитала эти строки. Потом закрыла тетрадь.

«Я видел то, что не должен был видеть».

Что он мог видеть? Что-то в склепе? Или что-то на кладбище? Или кого-то?

Полина вспомнила слова Тамары Семёновны: «Костя сказал: „Дима был прав. А мы не послушали“». Дима был прав в чём? В том, что нужно было рассказать взрослым? В том, что Артём что-то скрывал? В том, что в склепе было что-то опасное?

Она не знала. Но она знала, что нужно найти Костю Гринько. И Лёху Сомова. Они были там. Они знали.

Ковалёв вернулся.

— Договорился, — сказал он. — Тётя Валя ждёт. Поехали.

Полина взяла сумку, тетрадь, папку с документами. Вышла из дома, заперла дверь. Посмотрела на окно, которое осталось открытым. Ковалёв закрыл его изнутри и запер на защёлку.

— Завтра я пришлю кого-нибудь, — сказал он. — Поставят решётки. Или хотя бы замки получше.

— Спасибо.

Они сели в машину. Полина смотрела в окно, на тёмные улицы, на редкие фонари, на дома, которые проплывали мимо.

— Ковалёв, — сказала она. — Вы пробьёте Сомова?

— Пробью. Завтра с утра.

— А Костю Гринько?

— Тоже. Но с ним сложнее. Он давно уехал, следов нет. Может быть, Тамара Семёновна знает больше, чем говорит.

Полина кивнула.

— Она боится, — сказала она. — За сына. Она думает, что если он вернётся, с ним что-то случится.

— Может быть, она права.

Машина остановилась у дома тёти Вали. Это был небольшой домик на соседней улице, с палисадником и крыльцом, увитым диким виноградом. В окнах горел свет.

Тётя Валя вышла на крыльцо — полная, в халате, с тёплым платком на плечах.

— Поленька, — сказала она. — Господи, что случилось?

— Ничего, тётя Валя, — сказала Полина. — Просто переночую у вас. Если можно.

— Конечно, можно. Что за вопросы? Проходи.

Полина вошла в дом. Здесь пахло пирогами и старыми вещами, и было тепло — так тепло, как не было в её доме.

Ковалёв остался на крыльце.

— Я завтра заеду, — сказал он. — Часов в восемь. Будьте готовы.

— Буду.

Он ушёл. Полина стояла в прихожей, смотрела на тётю Валю, на её доброе лицо, на её руки, которые уже хлопотали — ставили чайник, доставали чашки.

— Тётя Валя, — сказала Полина. — Вы знали моего брата?

Тётя Валя замерла. Потом медленно повернулась.

— Знала, — сказала она. — Конечно, знала. Дима был хороший мальчик. Умный, весёлый и все его любили.

— А что случилось? Вы знаете?

Тётя Валя помолчала. Потом села за стол, сложила руки.

— Я не знаю, — сказала она. — Никто не знает. Он ушёл вечером и не вернулся. Искали его, искали… А потом решили, что он уехал. Молодой был, горячий. Может, в город подался.

— А вы верите в это?

Тётя Валя посмотрела на неё.

— Нет, — прошептала она едва слышно, качая головой. — Не могу в это поверить. Дима бы никуда не уехал. Он слишком любил маму — никогда бы её не оставил. Да и тебя он бы ни за что не бросил.

Полина почувствовала, как что-то сжалось в горле.

— Спасибо, — сказала она.

— За что?

— За то, что не врёте.

Тётя Валя вздохнула.

— Поленька, — сказала она. — Я знаю, что ты хочешь найти правду. Но будь осторожна. В этом городе не все любят, когда копаются в прошлом.

— Я знаю, — сказала Полина. — Мне уже угрожали.

Тётя Валя побледнела.

— Кто?

— Не знаю. Но я найду.

Она села за стол, взяла чашку с чаем, которую ей протянула тётя Валя. И вдруг почувствовала, как устала. Как будто всё, что было за эти два дня, — кладбище, склеп, дневник, Шульгин, записка, — навалилось на неё разом.

— Тётя Валя, — сказала она. — А вы знали Артёма Шульгина?

— Знала, — сказала тётя Валя. — Он и сейчас здесь. Приезжал, я видела,возле рынка стоял.

— А вы знали, что он был на кладбище в тот вечер?

Тётя Валя помолчала.

— Знала, — сказала она. — Он и Костя, и Лёха, и Дима. Они все там были. Я видела, как они шли туда — вечером, ещё до заката. Дима шёл впереди, а они за ним.

— А вы не сказали об этом полиции?

— Говорила, — сказала тётя Валя. — Когда искали Диму, я говорила. Но мне сказали, что это неважно. Что мальчишки часто ходят на кладбище. Что это не доказательство.

Полина закрыла глаза. Двадцать лет. Двадцать лет она думала, что брат просто ушёл. А оказывается, всё было известно. Тётя Валя говорила. Просто её не слушали.

— Спасибо, — сказала она. — За то, что сказали мне.

— Поленька, — сказала тётя Валя. — Ты только будь осторожна. Пожалуйста.

— Буду.

Полина допила чай, поднялась. Тётя Валя проводила её в комнату — маленькую, с диваном, с окном, выходящим в сад. Постелила свежее бельё, положила подушку.

— Спокойной ночи, — сказала она.

— Спокойной ночи, тётя Валя.

Полина осталась одна. Она села на диван, не раздеваясь, и посмотрела в окно. За окном была темнота, и в этой темноте где-то там, в городе, был человек, который знал, кто она, зачем она здесь, и что она ищет.

Она достала тетрадь брата. Открыла на первой странице. «Дима Крайнов. 9 „Б“». Посмотрела на эти буквы, на этот почерк, на эту жизнь, которая оборвалась двадцать лет назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.